

Научная статья
УДК 343.9
EDN GKNOVZ
DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).227-231

В ТУПИКЕ ЛИ КРИМИНОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА?

Я.И. Гилинский

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления
5 июня 2024 г.
Дата принятия в печать
15 июля 2024 г.
Дата онлайн-размещения
29 июля 2024 г.

Ключевые слова

Криминология; постмодерн; тупик

Аннотация. Статья служит откликом на существующие в научной литературе различные представления о современной криминологии постмодерна. В статье обосновывается прогрессивность современной мировой криминологии постмодерна (российский вариант, по мнению автора, — неокриминологии). Рассматриваются ее основные положения: нет деяний, преступных по своему содержанию; нет объективных оснований криминализации деяний; единственное реальное основание криминализации — воля власти, режима; нет никакой особенной «личности преступника»; наказание не достигает поставленных целей. «Общественная опасность» не может служить основанием криминализации, так как нет определения самого понятия «общественная опасность» — она может по-разному пониматься различными субъектами, нет возможности определять степень «общественной опасности». Поэтому в различных государствах в разное время совершенно различные деяния включались законодателем в уголовный закон, признаваясь «преступными». Не случайно в большинстве современных государств нет ссылок на какое-либо «основание» криминализации, а предлагается считать преступлениями то, что записано в уголовном законе страны. В статье подчеркивается общемировой характер криминологии постмодерна, отражающей особенности современного общества (постмодерна или постсовременного, или постклассического). Обосновываются возражения на существующее в российской криминологии представление о «тупике» современной мировой криминологии постмодерна.

Original article

IS THE CRIMINOLOGY OF POSTMODERNITY AT A DEAD END?

Yakov I. Gilinsky

*Saint Petersburg Juridical Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Saint Petersburg, the Russian Federation*

Article info

Received
2024 June 5
Accepted
2024 July 15
Available online
2024 July 29

Keywords

Criminology; postmodernity; dead end

Abstract. The article is a reaction to various ideas regarding the contemporary criminology of postmodernity as presented in research publications. The author shows the progressive character of contemporary global criminology of postmodernity (neocriminology being, according to the author, its Russian version). Its key clauses are examined: there are no actions whose content is criminal; there are no objective reasons to criminalize actions; the only real reason for criminalization is the volition of the authorities, the regime; there is no special «criminal personality»; the punishment does not reach the goals set for it. «Public danger» cannot serve as a basis for criminalization as there is no definition of the very concept of «public danger» — it can be understood differently by different subjects, and there is no possibility for determining the degree of «public danger». Due to this, different states at different times included different actions into their criminal law, designating them as «criminal». It is not accidental that most modern states do not provide any references to any «grounds» for criminalization, but suggest that a crime is what is written in the criminal law of a country. The article stresses the global character of the criminology of postmodernity which reflects the features of contemporary society (postmodern, or postclassical). The author presents arguments for opposing the opinion of some Russian criminologists who talk about the «dead end» of the global criminology of postmodernity.

В статье уважаемых коллег, профессоров С.С. Босхолова и В.А. Номоконова, «Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии» [1, с. 128–136] подвергаются критике положения современной мировой криминологии постмодерна и одного из ее представителей в России — автора этих строк.

Если бы речь шла только о критике работ Я.И. Гилинского, я, пожалуй, оставил бы без ответа статью уважаемых коллег. Но ведь в ней утверждается, что «неокриминологи полностью отвергли категорию общественной опасности в уголовном праве и криминологии и в результате зашли в тупик. Идти следом за ними туда вряд ли стоит» [1, с. 134]. Подвергаются резкой критике положения профессора Нильса Кристи (Норвегия), которого уже нет в живых, и он не сможет ответить на нее.

В действительности все не так просто, как представляется на первый взгляд. Во-первых, в статье все время упоминается критикуемая «неокриминология», тогда как в действительности подвергаются полному отрицанию положения современной криминологии постмодерна. Да, Я.И. Гилинский употребляет иногда понятие «неокриминология». Но это всего лишь авторское наименование отечественной разновидности современной мировой криминологии постмодерна, поскольку она включает различные виды («культуральная криминология» Дж. Янга, Дж. Форрела, К. Хейворда, Д. Гарланда; теория «баланса контроля» Ч. Титтла; «миротворческая криминология» Х. Пепинского, Н. Кристи, Л. Хулсмана; разновидности феминистских концепций — Д. Клейн, Р. Симон, Ф. Адлер и др.).

Во-вторых, авторы сосредоточили критику на «отрицании» Я.И. Гилинским общественной опасности. В действительности в криминологии постмодерна проблема «общественной опасности» лишь один из элементов сложного комплексного пересмотра традиционных, устаревших, с моей точки зрения, криминологических представлений, о чем речь пойдет впереди.

В-третьих, я в принципе не могу воспринимать научную критику с позиции религии [1, с. 133–134]. Наука и религия — «две вещи несовместные». И не следует в научной статье обращаться к Богу, Божьим заповедям, греху... Не самым удачным представляется мне и огульное отрицание достижений «западной» криминологии и опять же с позиции противопоставления православия и протестантизма, като-

лицизма. «Теория постмодерна — это детище современной западной христианской культуры, апологеты которой всегда и во все времена ставили ее выше всех других культур, в том числе православной культуры... В рамках своей культуры Запад может делать все, что угодно — отказываться от традиционных христианских ценностей, в частности, разрешать однополые браки; считать себя оазисом, а весь остальной мир джунглями; отказываться от своей собственной истории; скатываться к сатанизму (!) и т.д.» [1, с. 134]. Любая наука интернациональна, если она — Наука. Это относится, разумеется, и к криминологии.

А теперь по существу.

Подробный анализ особенностей современного общества постмодерна, в котором человечество живет с 1960–1970-х гг., и современной криминологии постмодерна представлен в многочисленных статьях и в ряде монографий автора этих строк [2–4], а потому ограничимся весьма кратким их изложением в связи с их критикой авторами вышеупомянутой статьи.

Главный объект криминологии — преступления, преступность. Но нет деяний, преступных по своему содержанию. Умышленное причинение смерти другому человеку — убийство, тяжкое преступление (ст. 105 УК РФ). Но и действия, награждаемые медалями и орденами. И профессиональная оплачиваемая деятельность палача в тех странах, где, к сожалению, сохранилась смертная казнь. А умышленное причинение смерти другому человеку по его просьбе — легальная эвтаназия в Швейцарии, Нидерландах, Бельгии и тяжкое преступление в России и ряде других стран.

Это известно задолго до наступления эпохи постмодерна. Как писал Питирим Сорокин: «Нет ни одного акта, который бы по самому своему содержанию был уголовным правонарушением... Поэтому причислять те или иные акты по самому их содержанию к уголовным правонарушениям... задача безнадежная» [5, с. 62]. Итог этому пониманию подводит профессор М. Робинсон: «Термин преступление есть ярлык (label), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт — это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. Преступление как таковое не существует в природе; это выдумка (invention) людей» [6, с. 2]. Впрочем, это понимали еще в Древнем Риме: *ex senatusconsultis et plebiscitis criminal exercetur*

(преступления возникают из сенатских и народных решений).

«Преступление», «преступность» — социальные конструкты, конструируемые законодателем.

Вот почему профессор Н. Кристи утверждает: «Преступности не существует» [7, с. 15], имея в виду отсутствие деяний, преступных по своему содержанию.

Вот почему прав профессор А.Э. Жалинский, когда утверждает: «Сложившееся отношение к преступности должно быть демистифицировано. Она должна изучаться и оцениваться как имеющая подобно другим явлениям статистическую характеристику часть реального поведения» [8, с. 65]. *Криминология постмодерна как раз и демистифицирует* сложившиеся в отечественной (и не только) криминологии устаревшие взгляды на преступления и преступность. Против чего возражают («идти следом за ними вряд ли стоит») авторы статьи, послужившей стимулом к созданию этого текста.

Но если нет деяний, преступных по своему содержанию, то что же мы считаем преступлениями? Только то, что занесено здесь и сейчас в уголовный закон государства. И тогда возникает следующий вопрос: *каковы основания криминализации* тех или иных деяний?

Многие отечественные авторы, включая С.С. Босхолова и В.А. Номоконова, полагают, что таким основанием (в соответствии со ст. 14 УК РФ) служит общественная опасность деяний. Но что такое «общественная опасность»? С чьей точки зрения? В чем «общественная опасность» курения табака (смертная казнь в Средневековой Испании), появления с бутылкой алкоголя в современных ОАЭ (длительное лишение свободы)? Помолчу о некоторых составах УК РФ. Хотя С.С. Босхолов и В.А. Номоконов справедливо не исключают того, что «в случае произвола или ошибки законодателя в круг преступного попадает (особенно у нас) то, что не имеет оснований для криминализации, т.е. не обладает существенной степенью (?) общественной опасности» [1, с. 131]. При этом авторы считают, что «в теории и практике существует необходимость уточнения критериев, по которым эту опасность, ее характер и степень можно определить» [1, с. 131]. А почему до сих пор не уточнили? А как будем определять и в чем будем измерять «степень общественной опасности» — в километрах или в килограммах?

В действительности, *нет объективных оснований* криминализации деяний. Единственное «основание» — воля, желание власти, режима. «Власть, национализировав, присвоив уголовную юстицию в качестве социального капитала, пожелала, чтобы к преступлению относилось все, что она называет преступлением» [9, с. 22]. И это мнение, конечно, не только процитированных авторов и автора данного текста, но и общемировая позиция. Не случайно в уголовных законах большинства стран нет каких бы то ни было «оснований» криминализации, а прямо указывается — деяния, включенные в данный уголовный закон.

Конечно, власть, режим руководствуется не только собственными соображениями, но и некоторым очевидным мнением населения страны. Конечно, криминализация убийства, изнасилования, грабежа, разбоя соответствует мнению населения. Но уголовный закон РФ, США и ряда других стран наполнен таким количеством «преступлений», что превращает каждого взрослого гражданина страны в «преступника» (включая автора этих строк).

Детальный анализ возможных «оснований» криминализации деяний в различных странах за много лет предпринят в монографии И. Козаченко и Д. Сергеева «Новая криминализация». И вот вывод авторов: «Главный миф криминализации — о возможности построения ее рациональной модели» [10, с. 212]. Нет и не может быть объективных, рациональных «оснований» криминализации деяний. Каждое государство здесь и сейчас признает «преступлениями» то, что таковыми считает руководство страны. И — никаких иллюзий в криминологии постмодерна.

Нет никаких иллюзий и по поводу «личности преступника». Конечно, можно говорить о личности убийцы Х, личности грабителя Y, личности коррупционера Z. Но ведь в криминологии речь идет не об этом, а о наличии «личности преступника», отличной от личности остальных граждан. А вот такой «личности» не существует. Нет качеств, свойств, характеристик, признаков, особенностей, присущих только личности преступника. Против существования такой «личности» давно выступали профессора А.М. Яковлев, И.И. Карпец, Ю.Д. Блувштейн. А в наши дни после скрупулезного анализа проблемы, А.З. Рыбак восклицает: «В криминологии (и не только) нужно окончательно, категорически отказаться от учения о личности преступника» [11, с. 239]. И как быть, например, в США, где,

по результатам опроса населения ряда штатов, от 93 % до 99 % граждан совершали деяния, указанные в уголовном законе их штата? Полагая, что аналогичная ситуация и в РФ. Так все (почти все) — «личности преступника»? А есть ли «личности не преступника»? Поэтому не приходится говорить об «общественной опасности личности» [1, с. 132]. «Каждый ли способен на преступление?» — спрашивают С.С. Босхолов и В.А. Номоконов. Да, увы, каждый. Профессор М.Д. Шаргородский, чье 120-летие со дня рождения отмечается в сентябре, говорил нам, студентам, на лекции, что и профессор может совершить убийство из ревности...

И последнее. О наказании. *Наказание не достигает тех целей*, которые перед ним ставят (ч. 2 ст. 43 УК РФ), — восстановление социальной справедливости. Но что такое «социальная справедливость»? С чьей точки зрения? Как соотносить суровость меры наказания со степенью социальной справедливости? Исправление осужденного. Как известно психологам, педагогам, исправить наказанием никого нельзя. Предупреждение совершения новых преступлений. Как свидетельствует вся история человечества, никаким наказанием нельзя предупредить совершение новых преступлений. Да, некоторых людей возможность наказания удерживает от совершения того, что называется «преступление». Но эти случаи тонут в массе преступлений. Более того, чем жестче система наказаний, тем... выше доля рецидива. В репрессивных США — 50–60 %, в либеральной Норвегии — менее 20 %.

Впрочем, о том, что наказание не достигает поставленных целей, написано немало. Это и Нильс Кристи [12], и А.Э. Жалинский: «Наказание — это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения» [13, с. 56, 68]. Да, сегодня ни одно государство не откажется от уголовного закона и наказания (как предлагал немецкий профессор Х.-Х. Йешек еще в 1988 г.). Но либерализация системы наказаний, категорический отказ от смертной казни (да и пожизненного лишения свободы), преобладание на практике мер нака-

зания, не связанных с лишением свободы, нормальные условия отбывания наказания в виде лишения свободы — необходимое требование сегодняшнего дня. Мне довелось побывать в тюрьмах разных стран Европы, Азии, Америки. Самые «человечные» в странах Северной Европы. В Ирландии прежде, чем идти по тюрьме, я спросил ее начальника: «Сколько человек у вас содержится в камере?». Начальник тюрьмы с удивлением посмотрел на меня: «Один. Не могут же двое незнакомых людей жить в одной камере!». В тюрьме г. Турку (Финляндия) начальник тюрьмы сказал мне: «Мы недавно ввели новое правило для сохранения у заключенных чувства собственного достоинства. Мы каждому заключенному даем... ключ от камеры, чтобы он мог закрывать дверь, уходя из камеры и открывать, возвращаясь». Там же я в спортивном зале наблюдал игру заключенных в баскетбол.

В обсуждаемой статье авторы упрекают кримиологов, а точнее Я.И. Гилинского, в том, что замалчивается осуждение убийцы Брейвика к пожизненному заключению в либеральной Норвегии [1, с. 134]. Но Брейвик был осужден к 21 году лишения свободы (правда, с возможностью продления срока). Пожизненное лишение свободы не предусмотрено в уголовных законах стран Северной Европы. Что, с моей точки зрения, правильно.

В заключение я хочу поблагодарить уважаемых Сергея Семеновича Босхолова и Виталия Анатольевича Номоконова за критическое обсуждение взглядов сторонников криминологии постмодерна (неокриминологии). Научные дискуссии совершенно необходимы.

Точно так же совершенно необходим отход от привычных многовековых представлений о вечной проблеме «преступление и наказание». Мы живем в новом мире, мире постмодерна, и, кажется, стремимся уже в мир метамодерна. Особенности Нового мира могут нам не нравиться. Но мы в нем живем и не можем не менять наши взгляды и представления в соответствии с удивительными и все быстрее меняющимися особенностями бытия. Нет вечных истин, о которых пишут мои оппоненты [1, с. 132]. А что еще искусственный интеллект привносит и будет привносить в проблемы и преступления, и наказания! Такова жизнь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Босхолов С.С. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о типике неокриминологии / С.С. Босхолов, В.А. Номоконов. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136. — EDN WCBSDS // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 128–136.

2. Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна / Я.И. Гилинский. — Санкт-Петербург : Алетея, 2017. — 222 с.
3. Гилинский Я. Криминология постмодерна (неокриминология) / Я.И. Гилинский. — Санкт-Петербург : Алетея, 2021. — 136 с.
4. Гилинский Я. Криминология и девиантология постмодерна / Я.И. Гилинский. — Санкт-Петербург : Алетея, 2024. — 242 с.
5. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. — Москва : Политиздат, 1992. — 542 с.
6. Robinson M. *Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior* / M. Robinson. — Upper Saddle River, NJ : Prentice Hall, 2004. — 345 p.
7. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / Н. Кристи. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Алетея, 2011. — 176 с.
8. Жалинский А.Э. Избранные труды / А.Э. Жалинский. — Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. — Т. 1. Криминология. — 697 с.
9. Кондратюк Л.В. Криминологическое измерение / Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский ; под ред. К.К. Горяинова. — Москва : Норма, 2008. — 272 с.
10. Козаченко И.Я. Новая криминализация / И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеев. — Екатеринбург : SAPIENTIA, 2020. — 256 с. — EDN TAUDVJ.
11. Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении: новая методология / А.З. Рыбак. — Москва : Юрлитинформ, 2020. — 296 с.
12. Кристи Н. Причиняя боль : роль наказания в уголовной политике / Н. Кристи. — Санкт-Петербург : Алетея, 2011. — 162 с.
13. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен : теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2009. — 400 с.

REFERENCES

1. Bosholov S.S., Nomokonov V.A. Ontological and Metaphysical Foundations of the Social Danger of Crimes: On the Dead End in Neocriminology. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 128–136. (In Russian). EDN: WCBSDS. DOI: 10.17150/25004255.2024.18(2).128-136.
2. Gilinsky J.I. *Deviation in the Post-Modern Society*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2017. 222 p.
3. Gilinskii Ya.I. *Criminology of Postmodern (Neocriminology)*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2021. 136 p.
4. Gilinskii Ya.I. *Criminology and Deviantology of Postmodern*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2024. 242 p.
5. Sorokin P. *Human. Civilization. Society*. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 542 p.
6. Robinson M. *Why Crime? An Integrated Systems Theory of Antisocial Behavior*. Upper Saddle River, NJ, Prentice Hall, 2004. 345 p.
7. Christie N. *A Suitable Amount of Crime*. London, New York, Routledge, 2004. 148 p. (Russ. ed.: Christie N. *A Suitable Amount of Crime*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2011. 176 p.).
8. Zhalinskii A.E. *Selected Works*. Moscow, HSE Publishing House, 2014. Vol. 1. 697 p.
9. Kondratyuk L.V., Ovchinskii V.S.; Goryainov K.K. (ed.). *Criminological Dimension*. Moscow, Norma Publ., 2008. 272 p.
10. Kozachenko I.Ya, Sergeev D.N. *A New Criminalization*. Ekaterinburg, Sapientia Publ., 2020. 256 p. EDN: TAUDVJ.
11. Rybak A.Z. *Criminology in the Human Dimension: New Methodology*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 296 p.
12. Christie N. *Limits to Pain*. Oxford, Martin Robertson, 1981. — 128 p. (Russ. ed.: Christie N. *Limits to Pain*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2011. 162 p.).
13. Zhalinskii A.E. *Criminal Law in Anticipation of Change*. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гилинский Яков Ильич — профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; e-mail: yakov.gilinsky@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gilinsky, Yakov I. — Professor, Saint Petersburg Juridical Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: yakov.gilinsky@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гилинский Я.И. В тупике ли криминология постмодерна? / Я.И. Гилинский. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).227-231. — EDN GKNOVZ // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 3. — С. 227–231.

FOR CITATION

Gilinsky Ya.I. Is The Criminology of Postmodernity at a Dead End? *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 227–231. (In Russian). EDN: GKNOVZ. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).227-231.